

На правах рукописи

ЛЕВЧЕНКО ИВАН НИКОЛАЕВИЧ

**ЦЕННОСТИ ТОЛЕРАНТНОСТИ И ТЕРПИМОСТИ
ПРИНИМАЮЩЕГО СООБЩЕСТВА
В УСЛОВИЯХ МИГРАЦИОННОЙ ПОДВИЖНОСТИ
НАСЕЛЕНИЯ ЮГА РОССИИ**

**Специальность 22.00.06. – социология культуры,
духовной жизни (социологические науки)**

Автореферат

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук**

**Ростов-на-Дону
2006**

**Работа выполнена в ГОУ ВПО
«Ростовский государственный педагогический университет»
на кафедре социальных коммуникаций и технологий**

**Научный руководитель:
доктор социологических наук, профессор
Денисова Галина Сергеевна**

**Официальные оппоненты:
доктор социологических наук, профессор
Ильин Виктор Григорьевич**

**доктор педагогических наук, профессор
Чумичева Раиса Михайловна**

**Ведущая организация
Институт по переподготовке и повышению квалификации
преподавателей гуманитарных и социальных наук
ГОУ ВПО «Ростовский государственный университет»**

Защита состоится «23» декабря 2006 г. в 13.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.206.03 по социологическим наукам в ГОУ ВПО «Ростовский государственный педагогический университет» по адресу: г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 33, ауд. 202.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Ростовского государственного педагогического университета по адресу: г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 33.

Автореферат разослан «23» ноября 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Л.Я. Хоронько

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Особенностью современного этапа социального развития является разнообразие всех сторон существования людей – социокультурных укладов, способов жизнедеятельности, социально-политических условий и пр. Между тем подобное разнообразие содержит в себе потенциал конфликтности и напряженности. Поэтому мыслители во все времена стремились определить оптимальные условия формирования лояльных, доброжелательных отношений между субъектами различного уровня – индивидами, социальными группами, классами, этносами, цивилизациями. Но особенно остро проблемы терпимости в разных сферах личной и социальной жизни, как и ее антипода – экстремизма, актуализируются в переходные, «смутные времена» жизни общества, в условиях деформации правового и морального регулирования, нарушения прав личности, которая в такие периоды подвергается значительным лишениям – материальным, правовым, нравственным.

Транзитивностью характеризуется сегодня и развитие российского общества, что приводит к распространению среди некоторых групп его населения агрессивных побуждений и действий, питаемых как социально-экономическими трудностями, так и организационно-правовыми недоработками. О степени актуальности данной проблемы для современного российского общества говорят официальные документы государственной власти. Так, в августе 2001 г. Правительством России была утверждена федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001–2005 гг.)», а уже в следующем году (2002) был утвержден Федеральным Собранием РФ Закон «О противодействии экстремистской деятельности». В этих документах особое внимание уделяется формированию толерантности как нормативной ценности в сознании населения страны и целенаправленному внедрению этой ценности и установки в сознание молодежи.

Вместе с тем проблема инкорпорирования принципа толерантности в пространство российского социума не так однозначна, как кажется на первый взгляд. Об этом свидетельствует и не столь позитив-

ный опыт современных западно-европейских стран, которые под эгидой ООН активно стремятся ретранслировать эту ценность в другие государства¹. Поэтому достаточно справедливой, на наш взгляд, является позиция взвешенного подхода к системной реорганизации России путем «имплантрирования» в его структуру новых демократических, а потому западных институтов, отношений и ценностей. В реализации этих процессов необходимо учитывать особенности отечественного социокультурного контекста генезиса базовых принципов социального взаимодействия и на этой основе прогнозировать степень комплементарности российского общества тем или иным инокультурным заимствованиям. В частности, стремление внедрить в сознание российского общества такую ценность западного общества, как «толерантность», в период переживания им системного кризиса встречает значительные трудности. Они объясняются функционированием уже сложившихся норм и традиций регулирования межгрупповых отношений на основе ценности российской культуры – «терпимости».

В этой связи на современном этапе следует не только рассмотреть проблемы практического воплощения ценности толерантности в социальные отношения, но в первую очередь проанализировать культурный потенциал этой ценности для российского общества. Можно согласиться с мнением Н.Н.Федотовой, которая указывает, что «...значение толерантности как ценности и инструмента разрешения конфликтов и предотвращения насилия определяется нашей способностью не фетишизировать ее, но определить ее действительное место и возможности»².

Существующая необходимость утверждения норм миролюбия и согласия в нашей стране требует выработки адекватных профилактических мер предотвращения национальной и религиозной неприязни (ранее не свойственной нашей культуре), уменьшения риска социаль-

¹ См.: Хомяков М.Б. Толерантность как социокультурная проблема // Толерантность и насилие: теория и международный опыт. Екатеринбург, 2000. Ч.2. С. 63; Грей Дж. Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности. М., 2003. С. 9, 28; Карлова Е.Ю. Идея толерантности в свете проблем чужого // Толерантность и полисубъектная реальность: Матер. межд. конф. Екатеринбург, 2001. С. 198.

² Федотова Н.Н. Толерантность как мировоззренческая и инструментальная ценность // Философские науки. 2004. № 4. С. 13.

ных взрывов. Однако эффективность активной деятельности в этой связи, направленная на замену традиционной ценности российской культуры – «терпимости», на аналог, выработанный западной культурой («толерантность»), требует своего специального эмпирического анализа. Ему должны быть подвергнуты установки на межгрупповые отношения, которые фиксируются в повседневной жизни конкретного локального сообщества. Актуальным, с этой точки зрения, выступает анализ утверждения ценности толерантности в сознании населения Юга России, который в последние десятилетия испытывает большое давление различных миграционных потоков, в том числе миграции этнических групп.

Значительные потоки мигрантов не только меняют этническую структуру Юга России, но и в крайне неблагоприятной экономической обстановке осложняют межэтнические и социальные отношения, что проявляется в распространении различных социальных фобий, межконфессиональном размежевании и других формах напряженности. В этой связи актуализируется изучение процесса формирования ценностей, направленных на регулирование групповых и межличностных отношений в условиях рыночного типа взаимодействий и высокой миграционной подвижности населения. Практическая потребность и недостаточная теоретическая разработанность данной проблемы определяют востребованность осуществления подобной исследовательской работы.

Степень научной разработанности проблемы. Исследование проблемы толерантности в отечественной науке началось сравнительно недавно. Идеологический контроль информационных потоков в советский период не пропускал каких-либо упоминаний о проявлении конфликтности в социальных отношениях в советском обществе. Поэтому проблема толерантности не могла попасть в поле зрения социального анализа, т.к. в партийных документах утверждалось создание социально однородного общества в целом, в котором достигнута социальная и культурная гомогенность. Демонтаж советской политической системы вызвал общественную активность различных социальных сил, многочисленные межэтнические конфликты, обнищание населения и большие внутренние и внешние потоки мигрантов. Одним из проявлений этих процессов стала межгрупповая обособленность и конфликт-

ность среди населения страны, в частности, вызванная миграционными потоками. Результаты анализа данных проблем (работы И.М. Бадыштовой, Г.С. Витковской, О. Вендиной, Л.Д. Гудкова, Ж.А. Зайончковской, В.М. Моисеенко, Г.Ф. Морозовой, В.Н. Петрова, А. Топилина, Л.Л. Рыбаковского и других авторов)¹ свидетельствуют о распространении среди населения мигрантофобии.

Национальное самоопределение бывших союзных республик, возрождение этнокультурных традиций и активизация этнических элит в борьбе за перераспределение, прежде всего, кратических ресурсов актуализировали конфликтный потенциал и в сфере межэтнических отношений. Социальные предпосылки, процессуальная природа и характер противоречий в области этнокультурных взаимодействий исследуются в публикациях Ю.В. Арутюняна, Л.М. Дробижевой, В.Н. Иванова, Л. Преснякова, Г.У. Солдатовой, В.В. Степанова, А.А. Сусоколова, В.А. Тишкова и др.². Пересечение же проблем эт-

¹ См.: Бадыштова И.М. Отношение местного населения к мигрантам (на примере Приволжского федерального округа) // Социол. исслед. 2003. № 6; Вендина О. Мигранты в Москве. Грозит ли российской столице этническая сегрегация // Миграционная ситуация в регионах России. Вып. 3. М., 2005; Витковская Г. Незаконная миграция в странах СНГ // Центральная и Восточная Европа в системе глобальных миграций: Матер. международного семинара 16–17 ноября 2001 г.; Гудков Л.Д. Смещенная агрессия: отношения россиян к мигрантам // Вестник общественного мнения: Данные, анализ, дискуссии. 2005. № 6 (80); Зайончковская Ж.А. Миграция населения СССР и России в XX веке // Юридический мир. 1999. № 9; Моисеенко В.М. Теория человеческого капитала и исследования миграционных процессов в России // Проблемы прогнозирования. 2000. № 4; Морозова Г.Ф. Современные миграционные явления: беженцы и эмигранты // Социол. исслед. 1992. № 3; Петров В.Н. Миграционная составляющая этнических конфликтов и проблема толерантности // Социальный порядок и толерантность. Краснодар, 2002; Он же. Иноэтнические мигранты и принимающее общество. Особенности проблемного взаимодействия (на примере турок-месхитинцев) // Социол. исслед. 2005. № 9; Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М., 1987; Топилин А. Фактор миграции и демографический кризис в России // Экономист. 2000. № 4.

² См.: Арутюян Ю.В. О потенциале межэтнической интеграции в московском мегаполисе // Социол. исслед. 2005. № 1; Дробижева Л.М. Этносоциология: пройденное и новые горизонты // Социол. исслед. 2000. № 4; Иванов В.Н. Межнациональные отношения в России // Социол. исслед. 1994. № 6; Пресняков Л. Чужие в России (апрель 2002) // Десять лет социологических наблюдений «ФОМ». М., 2003; Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998; Степанов В.В. Тишков В.А. Россия в этническом измерении (по результатам переписи 2002 г.) // Социол. исслед. 2005. № 9; Тишков В.А. Этничность, национализм и государство в посткоммунистическом обществе // Вопр. социол. 1993. № 1–2; Сусоколов А.А. Русский этнос и русская школа в ХХ веке.

ничности и миграций собственно в южно-российском регионе подробно рассмотрены в исследованиях В.А. Авксентьева и В.А. Авксентьевой, В.С. Белозерова, Г.С. Денисовой, С.В. Рязанцева, М.В. Саввы, Л.Л. Хоперской и пр.¹.

В перечисленных работах затрагиваются вопросы формирования комплекса мер по выработке мирных и неконфликтных отношений между различными этническими, мигрантскими и социальными группами населения страны, а также нередко употребляется категория «толерантность». Но данные авторы, как правило, не углубляются в полемику по поводу адекватности внедрения данного принципа в отечественную политическую и социокультурную традицию разрешения напряженности, предотвращения проявлений насилия и агрессии.

С другой стороны, в последнее время появилось большое число книг и статей, посвященных уже отдельному анализу различных сторон функционирования принципа толерантности, издание которых во многом была осуществлена усилиями ЮНЕСКО и Генеральной Ассамблеи ООН по проведению мероприятий в рамках идеи культуры мира и толерантности. Данный массив работ можно дифференцировать на подгруппы в зависимости от характера интерпретации в них

М., 1996; *Он же*. Русский этнос в XX веке: этапы кризиса экспансивной культуры // Мир России. Т. 3. 1994, № 2; *Он же*. Структурные факторы самоорганизации этноса // *Расы и народы*. Вып. 20. М., 1990.

¹ См.: Авксентьев А.В., Авксентьева В.А. Северный Кавказ в этнической картинах мира. Ставрополь, 1998; *Они же*. Этнические группы и диаспоры Ставрополя. Ставрополь, 1997; Белозеров В.С. Этнодемографические процессы на Северном Кавказе. Ставрополь, 2000; Денисова Г.С. Миграции в фокусе общественного сознания // Проблемы миграции на Юге России: опыт социологического анализа. Ростов н/Д, 2003; *Она же*. Миграционные процессы в Ростовской области: Информационное пособие для журналистов по проблемам миграции. Ростов н/Д, 2002; Денисова Г.С., Уланов В.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов н/Д, 2003; Рязанцев С.В. Современный демографический и миграционный портрет Северного Кавказа. Ставрополь, 2003; *Он же*. Миграционная ситуация в Ставропольском крае в новых геополитических условиях. Ставрополь, 1999; Савва М.В. Пресса, власть и этнический конфликт (взаимосвязь на примере Краснодарского края). Краснодар, 2002; Хоперская Л.Л. Характеристика миграционных процессов в Ростовской области. Ростов н/Д, 2001; *Она же*. Проблема радикализма и экстремизма в Южном федеральном округе // Гуманистическая мысль Юга России. 2005. № 1; Оценка состояния межнациональных отношений в Мясниковском районе Ростовской области // Методология и опыт исследования межнациональных отношений / Под ред. Г.П. Предвечного. Ростов н/Д, 1992.

сущностной, категориальной или содержательной стороны понятия «толерантность».

Так, редукционистский подход к определению толерантности, опирающийся на такие критерии, как дискретность, универсальность, антропологическая или эволюционно-историческая детерминированность, представлен в публикациях таких авторов, как Л.М. Путилова, А.С. Савинов, А. Апине, А.Г. Асмолов, А.В. Логинов, Т.И. Озейрман, Л.А. Шайгерова, Р. Инглхарт, М.А. Гулиев, В.М. Соколов, Л.Г. Олех. Социально-конструктивистское измерение толерантности, трактующего ее как культурно специфичный, вариативный и динамичный социальный конструкт, развивается в работах В.А. Тишкова, Дж. Грея, Н.Н. Федотовой, М.Б. Хомякова, А.В. Шипилова, Е.Ю. Карлова¹.

Категориальный уровень операционализации толерантности привлекает внимание Л.А. Шайгеровой, Г.У. Солдатовой, М.А. Гулиева, Н.М. Муханова, Л.И. Семина, Л.М. Дробижевой, М.Б. Хомякова, И. Дзялошинского, Ю.А. Зенкова. Здесь толерантность чаще всего представлена через понятия культурного принципа, ценности, социальной установки или технологии. И, наконец, содержательные аспекты смыслового наполнения толерантности разрабатываются в

¹ См. Путилова Л.М. Метафизика толерантности как антропологической критерии родовой и индивидуальной идентичности человека // Вестн. Волгоградского университета. Сер. 7. Вып. 2. 2002; Савинов А.С. Проблема человека в духовных традициях этноса Саха // Толерантность и согласие: Матер. межд. конф. М., 1997; Апине А. Толерантность и этничность // Толерантность и согласие: Матер. межд. конф. М., 1997; Асмолов А.Г. Слово о толерантности // Век толерантности: Научно-публицистический вестник. М., 2001; Инглхарт Р. Культура и демократия // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. М., 2002; Гулиев М.А. Политическая толерантность в межэтнических конфликтах. Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2003; Соколов В.М. Толерантность: состояние и тенденции // Социол. исслед. 2003. № 8; Олех Л.Г. Толерантность в контексте модернизации // Толерантность и полисубъектная реальность: Матер. межд. конф. Екатеринбург, 2001; Тишков В.А. О толерантности // Толерантность и согласие: Матер. межд. конф. М., 1997; Грей Дж. Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности. М., 2003; Федотова Н.Н. Толерантность как мировоззренческая и инструментальная ценность // Философ. науки. 2004. № 4; Хомяков М.Б. Толерантность: парадоксальная ценность // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. № 4; Шипилов А.В. Демократия и толерантность // Социол. исслед. 2005, №3; Он же. Оппозиция «мы – они» в социокультурном развитии // Философская и правовая мысль: Альманах. Вып. 5. Саратов-СПб., 2003.

публикациях В.А. Лекторского, А.А. Галкина, Ю.А. Красина, А.В. Дмитриева, Л.Д. Гудкова¹.

Необходимо отдельно выделить комплексные исследования, в которых затрагиваются разнообразные аспекты формирования и функционирования толерантности как политической и ценностной нормы регулирования социально-группового взаимодействия. В частности, в монографии под редакцией М.П. Мчедлова рассматривается история формирования данного принципа, анализируется ее современное практическое воплощение в сферах международной политики, конфессиональных отношений, энокультурного и социально-экономического взаимодействия, а также дается структура уровней и типов проявления толерантности². В исследовании толерантных отношений В.В. Шалиным выявляются концептуальные основания принципа толерантности в условиях современного мира; данный феномен соотносится с ценностями культуры, политики и образования, а также с процессами глобализации международного сообщества. Он рассматривает также культурные и социальные предпосылки и тенденции развития толерантности в российском обществе³.

Таким образом, в отечественной и зарубежной науке накоплен достаточный потенциал в исследовании толерантности как принципа и ценностной нормы во взаимоотношениях различных социальных

¹ См.: Солдатова Г.У., Шайгероев Л.А. О смыслах понятия «толерантность» // Век толерантности: Научно-публицистический вестник. М., 2001; Гулиев М.А. Политическая толерантность в межэтнических конфликтах. Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2004; Муханова Н.М. Толерантность и социальное рассложение общества // Толерантность и согласие. Матер. межд. конф. М., 1997; Соколов В.М. Толерантность: состояния и тенденции // Социол. исслед. 2003. № 8; Зенкова Ю.А. Стратегии толерантности в коммуникативном пространстве современного социума // Толерантность и полисубъектная реальность: Матер. межд. конф. Екатеринбург, 2001; Дзялошинский И. О некоторых причинах интолерантного поведения // Российская пресса в поликультурном обществе: толерантность и мультикультурализм как ориентиры профессионального поведения. М., 2002; Лекторский В.А. О толерантности // Филос. науки. 1997. № 3–4; Галкин А.А., Красин Ю.А. Культура толерантности перед вызовами глобализации // Социол. исслед. 2003, № 8; Дмитриев А.В., Слепцов Н.С. Толерантность: возможности и пределы // Конфликты и миграции. М., 2004; Гудков Л.Д. Динамика этнических стереотипов и проблема толерантности // Толерантность и согласие: Матер. межд. конф. М., 1997.

² Толерантность / Под общ. ред. М.П. Мчедлова. М., 2004.

³ Шалин В.В. Толерантность (культурная норма и политическая необходимость). Краснодар, 2000.

групп. Тем не менее можно зафиксировать слабую разработанность проблем сравнительного анализа реализации принципа толерантности в различных социокультурных обществах. Наряду с этим в современной отечественной науке недостаточно изучен культурный потенциал ценности толерантности для снижения уровня напряженности между мигрантами и принимающим социумом в условиях высокой этнокультурной мозаичности. Восполнению данного пробела и посвящена настоящая работа.

Целью диссертации является изучение степени выраженности ценностей терпимости и толерантности в полизначной среде в условиях миграционной подвижности населения.

Поставленная цель достигается решением комплекса *исследовательских задач*:

- проанализировать современный социологический дискурс относительно сущностной и категориальной природы толерантности и выделить специфику социокультурного подхода в интерпретации данного феномена;
- выделить социокультурные детерминанты формирования ценностей толерантности и терпимости в различных культурных средах;
- проанализировать влияние современных миграционных потоков на воспроизведение ценности терпимости и формирование ценности толерантности;
- рассмотреть миграционную активность как фактор нивелирования ценностей терпимости в современном российском обществе;
- проанализировать современную миграционную ситуацию на Юге России как социальный контекст, определяющий характер ценностного восприятия мигрантов принимающим социумом;
- выявить доминирующий характер ценностного отношения местного населения полизначного региона к группе мигрантов в зависимости от возрастной, социально-профессиональной и гендерной принадлежности;
- провести сравнительный анализ поведенческих установок коренных жителей в отношении переселенцев.

В качестве *объекта* исследования выступает ценностное сознание населения поликультурного региона.

Предметом исследования является характер ценностного восприятия и поведенческие установки принимающего сообщества различных подгрупп мигрантов.

Теоретико-методологические основания исследования. Изучение данной проблемы осуществлялось с позиции социокультурного анализа, базирующегося на принципах культурной специфичности и вариативности ценностных норм, регулирующих социальные взаимодействия в обществе, что позволяет исследовать складывание и функционирование ценностей терпимости и толерантности в контексте культурных традиций России и стран Запада.

С этой точки зрения методологическим основанием работы выступает социально-конструктивистский подход, представленный в концепциях социологии знания как конструирования социокультурной реальности П. Бергера, Т. Лукмана, теоретических фреймах К. Мангейма и И. Гофмана. Применительно к анализу толерантности данный подход развивается в работах Дж. Грея, Н.Н. Федотовой, М.Б. Хомякова, А.В. Шипилова, которые концептуализируют толерантность через историко-культурную специфику формирования механизмов социальной регуляции.

Эмпирической базой диссертации являются результаты социологического опроса, который проводился лично автором совместно с Центром прикладных социологических исследований РГПУ и кафедры социальных коммуникаций и технологий РГПУ, а также при поддержке Центра миграционных исследований (г. Москва, под руководством Ж.А. Зайончковской). Методом стандартизированного интервью в г. Ростове-на-Дону было опрошено 202 человека из числа коренных жителей города, сегментированных на подгруппы по критериям, связанным с социально-профессиональной и возрастной принадлежностью, а также в ряде случаев выделялись гендерные подгруппы.

Научная новизна исследования:

- выделена специфика социокультурного подхода к анализу толерантности, заключающаяся в трактовке данного феномена в качестве

культурно специфичного, вариативного и динамичного социального конструктора, формируемого определенной социальной общностью и несущего характеристики этой общности;

- показано альтернативное содержание ценностей толерантности и терпимости, обусловленное спецификой социокультурного контекста их формирования и заключающееся в разных основаниях данных ценностей: дистанцировании и объективировании, с одной стороны, и нравственно-понимающем сопереживании, – с другой;

- аргументировано негативное влияние миграционной активности на воспроизведение ценности терпимости в современной России, когда приток вынужденных мигрантов провоцирует рост этно- и миграントофобий у населения принимающего региона;

- на эмпирическом материале подтверждена гипотеза о влиянии миграции на размытие ценности терпимости в сознании принимающего сообщества и недостаточной степени инкорпорирования толерантных ориентаций относительно мигрантов даже в регионе, имеющем поликультурные традиции;

- выявлены доминирующие поведенческие установки принимающего социума по отношению к мигрантам, которые характеризуются значительным дистанцированием местного населения от приезжих и ориентацией на формализованные меры регулирования отношений к мигрантам.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Социокультурный подход, опирающийся на социально-конструктивистскую методологию, интерпретирует толерантность как культурно специфичный, вариативный и динамичный социальный конструктор, формируемый обществом западного типа для регулирования социальных взаимодействий различных в культурном отношении субъектов с позиции признания их равных гражданских прав. С этой позиции социокультурный подход к толерантности противоположен ее эссенционалистской интерпретации как дискретного универсального феномена, генезис которого детерминирован антропологическими или эволюционно-историческими факторами.

2. Анализ генезиса ценностей толерантности и терпимости в различных по типу обществах показывает их альтернативное содержание, детерминируемое характером социокультурного развития данных обществ. Ценность толерантности в западноевропейских странах исторически сформировалась в условиях «тесноты» социального пространства, необходимости отставания частных интересов и потребности в поддержании баланса конфликтующих сторон. Поэтому «западная» толерантность – этоrationально осознанная необходимость лояльности к «другому», в основе которой лежит дистанцирование и объективирование. Наличие в России на протяжении долгого времени жестко стратифицированных социальных отношений определяло потребность в адаптации и смирении с социальным неравенством и социальными преференциями доминирующих групп. Поэтому данные нормы социальных отношений вызвали укоренение в русской культуре принципа терпимости, основанного на нравственно-понимающем сопереживании.

3. Масштабность современных российских миграционных потоков, сжатые сроки миграции в условиях экономического кризиса, ее правовая и инфраструктурная необеспеченность на первоначальных этапах, а также устремленность различных потоков мигрантов преимущественно в одни и те же регионы обусловили размытие традиционной российской ценности терпимости. В новой социальной ситуации она перестала подкрепляться информационно-идеологическим и административным ресурсами. Но конструирование ценности толерантности в этих условиях также вызывает затруднение в связи с отсутствием у населения принимающих регионов устойчивых либерально-демократических ценностей.

4. Высокая интенсивность и полизничность современных миграционных потоков на Юге России, неравномерное размещение иноэтнических мигрантов по территории региона, большой удельный вес нелегальной миграции и связанные с ним процессы вовлечения переселенцев в теневую этноэкономику, а также широко распространенные практики демонстративного потребления со стороны мигрантов в городских социумах вызвали рост нетерпимости к приезжим у населения

принимающего сообщества, распространение националистических установок и готовности на силовые способы разрешения конфликтов.

5. Эмпирические замеры показывают этническую этиологию существующей в городском социуме мигрантофобии. Подобная искаженность общественного сознания связана с прочно устоявшейся в обществе гиперчувствительностью к представителям северокавказских этносов. Более половины жителей г. Ростова-на-Дону разделяет убеждение о возможности дискриминационных и даже насильтвенных действий в отношении приезжих. На этом фоне большее сочувствие и сопереживание проявляется горожанами к русским мигрантам, а также фиксируется большая выраженность ценностей терпимости среди студенческой молодежи и женщины по сравнению с взрослым работающим населением в целом и респондентами-мужчинами.

6. Эмпирические исследования показывают значительную дистанцированность местного населения от приезжих: основная масса респондентов принимающего сообщества ориентирована только на формальные контакты с мигрантами, а при характеристике отношений переселенцев и коренных жителей около половины опрошенных указывает на наличие крупных конфликтов. Менее 3% ростовчан поддерживают идею увеличения численности населения города за счет мигрантов, а пятая часть респондентов настаивает на запрете для мигрантов регистрации в городе.

Практическая значимость исследования определяется потребностью оптимизации управления миграционными потоками и гармонизации социальных отношений на региональном уровне. Положения и выводы диссертационного исследования могут быть использованы Администрацией Ростовской области в разработке информационной политики, направленной на конструирование ценности толерантности; Министерством образования Ростовской области в концептуализации воспитательной работе образовательных учреждений разного уровня.

Результаты данной работы могут быть использованы для развития соответствующих направлений в современном социологическом знании: этносоциологии, социологии культуры, организаций социологического мониторинга, направленного на отслеживание динамики

ценностного восприятия принимающим сообществом различных подгрупп мигрантов.

Положения и выводы диссертационного исследования используются Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по ЮФО, Управлением Росохранкультуры по ЮФО

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертационного исследования докладывались и обсуждались на региональных научных конференциях (Всероссийская научная конференция студентов и молодых ученых «Перспектива-2004», Нальчик, апрель 2004 г.; «Проблемы воспитания толерантности и профилактики экстремизма в молодежной среде», Ростов-на-Дону, ноябрь 2006 г.), на заседании кафедры социальных коммуникаций и технологий РГПУ, а также использовались при чтении курса лекций «Регионоведение» на различных факультетах Ростовского государственного педагогического университета и курса «Социология культуры» на историческом факультете РГПУ. Материалы диссертации опубликованы в научных работах общим объемом 1,3 п.л.

Структура диссертации. В соответствии с последовательностью решения поставленных задач работа состоит из введения, двух глав, включающих 6 параграфов, заключения, списка литературы из 157 источников, приложения включающих 49 таблиц. Общий объем диссертации 172 стр.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается актуальность и выбор темы исследования, определяется степень ее разработанности, ставится цель и задачи, излагаются методы исследования, научная новизна и основные положения, выносимые на защиту,дается оценка теоретического и практического значения диссертации, приводятся сведения об апробации ее результатов.

В первой главе «Методологические проблемы исследования толерантности», состоящей из трех параграфов, анализируется полемический характер теоретического осмысливания толерантности и выде-

ляются те социокультурные особенности российского общества, которые могут способствовать или препятствовать актуализации толерантных принципов социальных отношений на нынешнем этапе.

В первом параграфе *«Специфика социокультурного подхода к интерпретации толерантности»* рассматриваются существующие методологические концепты к пониманию толерантности и выделяются особенности социокультурного анализа данного феномена. На основании анализа широкого круга научных работ автор приходит к выводу, что теоретический дискурс толерантности разворачивается по крайней мере в трех пересекающихся методологических плоскостях анализа: проблемы онтологической природы толерантности, категориального статуса и характера содержательного наполнения атрибутивных смыслов данного явления.

Дискуссия о сущностных основаниях толерантности так или иначе соотносится с двумя базовыми парадигмами обществознания – эссеционализмом и социальным конструктивизмом. Редукционистский подход к определению толерантности опирается на такие критерии, как дискретность, универсальность, антропологическая или эволюционно-историческая детерминированность. При категориальной интерпретации толерантности в социологической предметности чаще всего используются следующие понятия: культурный принцип, ценность, социальная норма и установка, стратегия и технология. Так, с позиций фундаментальности и автономности данного явления толерантность может рассматриваться в качестве основополагающего принципа функционирования культуры. В рамках социокультурного анализа толерантность концептуализируется как смысловая ценность, формируемая в определенной социокультурной среде, что приписывает ей статус регулятора социального взаимодействия, одного из критериев оценки событий, действий, идей и мнений. Определение толерантности в категориях социальной нормы и установки фиксирует уровень достаточно конкретных предписаний поведения. Самый «нижний» уровень категоризации толерантности относительно ее поведенческой реализации и практического воплощения находит выражение в понятиях технологии или стратегии/модели социальных отношений.

В процессе изучения различных воззрений на онтологический, терминологический и содержательно-смысловый статус толерантности было сформировано следующее авторское понимание данной категории:

- толерантность представляет собой *социокультурный конструкт*, создаваемый социальной общностью и несущий характеристики этой общности, поэтому формы проявления, структура и содержание данного явления варьируются под влиянием культуры;
- толерантность выступает в качестве специфического типа индивидуального и общественного отношения к социальным и культурным различиям, атрибутивной чертой которого является активная (в противовес индифферентной) позиция восприятия и познания всех форм многообразия социального мира;
- толерантность интерпретируется как *социокультурная ценность и норма, призванная регулировать межличностные или межгрупповые отношения в социуме*, и на современном этапе актуализируется под влиянием процессов глобализации и распространения принципов либеральной демократии западного образца.

В втором параграфе первой главы «*Толерантность и терпимость как альтернативные ценности в российском социокультурном пространстве*» реализован замысел определения степени комплементарности принципа толерантности российской историко-культурной традиции. Автор показывает, что в исторически конфликтогенном пространстве Западной Европы у личности сформировались устойчивые черты индивидуализма. «Теснота» социального пространства в Западной Европе еще в Средневековье обусловила установление баланса конфликтующих сил, то и дело нарушающего вследствие их перегруппировки. На этой базе постепенно формировались идеи толерантности, плuralизма, социальной свободы и прав человека как основные принципы урегулирования общественных отношений.

В этой связи уже с XII–XIII вв. Европа встала на путь формирования гражданских обществ, когда обратной стороной ценностей индивидуализма (личной свободы, индивидуальной ответственности за

самого себя и свою судьбу и т.п.) выступают готовность и умение договариваться. На этом культурно-историческом основании постепенно формировались идеи плюрализма, социальной свободы и прав человека как базовые нормативы регулирования общественных отношений. В этой исторической ретроспективе автор усматривает исторические традиции улаживания и урегулирования конфликтов, складывание соответствующих институтов, обеспечивающих достижение компромисса и относительного согласия, т.е. толерантности как механизма разрешения межгрупповых и межличностных конфликтов. Поэтому «западная» толерантность – это рационально осознанная необходимость терпимости к «другому» как к равному, в основе которой лежит дистанцирование и объективирование.

В России исторически сложилась иная социокультурная традиция социального взаимодействия, которая обусловлена иерархизированными межличностными и межгрупповыми взаимодействиями. Жестко стратифицированные социальные отношения не предполагали равенства и партнерства в разрешении социальных напряженностей и конфликтов. Они обуславливали поддержку установки на примирение с социальным неравенством и социальными преференциями доминирующих групп. Поэтому данные нормы социальных отношений и вызвали укоренение в русской культуре другого принципа – принципа терпимости. Как отмечает О.А. Алексеев, российская «...«толерантность» обусловлена стремлением к «слиянию» (синтезу), соборности, органической целостности. Не исток – чувственное начало, «вселенская любовь». В этом ее благо и зло»¹.

В количественном итоге в работе делается вывод о том, что в российской культурной традиции сочетаются такие противоречивые черты, как: широкая этническая терпимость и отторжение «неправильных» религий и идеологий; покровительственное отношение к другим этносам; формирование связей между людьми не на основе формальных законов, а на основе силы соглашений («соборности») и традиций; противопоставление закона и справедливости («правды»). Таким образом, российская ценность терпимости основана не на рационально-

¹ Алексеев О.А. Конфликт и толерантность в российском историческом самосознании // Толерантность и полисубъектная социальность. Екатеринбург, 2001. С. 100.

объективированной потребности, а прежде всего на нравственно-понимающем сопреживании и не тождественна европейскому пониманию толерантности.

В третьем параграфе *«Роль миграции в современном воспроизведстве терпимости как ценности российской культуры»* исследуется влияние современных миграционных потоков на функционирование терпимости и / или толерантности в ценностном сознании российского населения. В диссертационном исследовании отмечено, что нынешний этап функционирования Россия, в числе негативных тенденций развития, включает в себя следующие параметры, препятствующие установлению атмосферы доброжелательности и согласия в стране: дегуманизацию общественных отношений, экономический кризис, обеднение основной массы населения, криминализацию социума, рост насилия, этнонациональные конфликты. Перечисленные позиции пересекаются, налагаются и усугубляются миграционной активностью иноэтнических групп. Приток вынужденных мигрантов не только меняет этническую структуру принимающего региона, но и в крайне неблагоприятной экономической обстановке осложняет межэтнические отношения и процесс формирования этнической терпимости.

Фиксируемое нежелание широких кругов русского населения принимать и понимать этнически «чужие» группы обостряется и усиливается в связи с притоком мигрантов из стран бывшего СНГ и республик Северного Кавказа. В связи с этим происходит отождествление межэтнических и миграционных проблем, распространение различных социальных фобий¹. В результате для массового сознания современной России характерно проецирование нетерпимых установок на иноэтнические группы и миграционные потоки. Степень выраженности недоброжелательного отношения к этническим мигрантам неравномерно распределена по различным группам населения. Интенсивность нетерпимого восприятия варьируется в зависимости от территориально-географического расположения принимающего социума, уровня урбанизированности населенного пункта, возраста, образовательного уровня и социально-профессиональной принадлежности носителей подоб-

¹ Мукомель В.И. Границы интолерантности (мигрантофобии и этнофобии) // Социол. исслед. 2005. № 2. С. 56.

ных установок. Так, по данным различных общероссийских и региональных социологических исследований, наибольший уровень этноФобий сегодня фиксируется среди жителей мегаполисов и населения Южного и Центральных федеральных округов. Кроме того, усиление этно- и мигрантофобий чаще наблюдается среди молодежи и людей с более низким уровнем образования.

Сложившаяся ситуация свидетельствуют о том, что требуются сознательные усилия по формированию миролюбия и согласия в стране, поддерживаемые и повседневно проводимые государством. Вместе с тем выбранная правительственными органами стратегия нивелирования различных форм этнической нетерпимости на основе формирования в стране принципов и ценностей толерантных отношений не дает пока сколько-нибудь ощутимых результатов. В этой связи требуется осмысление данной проблемы в контексте специфики ценностных установок местного населения в отношении ситуации миграционной подвижности и этно-культурных взаимодействий в стране и регионе проживания. Эта цель легла в основу эмпирического социологического исследования, которое было проведено автором.

Во второй главе «*Ценностные установки принимающего социума по отношению к мигрантам: опыт эмпирического исследования*» рассматриваются задачи и результаты проведенного исследования. На основании эмпирических замеров автор делает заключение о степени воспроизведения ценности терпимости и уровень интериоризации толерантных ориентаций местного населения по отношению к мигрантам.

В первом параграфе второй главы «*Миграционная ситуация на Юге России: объективные характеристики принимающего сообщества*» исследуется региональная специфика миграционной ситуации с позиции ее влияния на степень терпимости местного населения в отношении к приезжим. Автором указывается, что особенно ярко проблемы этнических миграций проявились на Юге России. «Привлекательность» данного региона для миграционных потоков определяют его географическое положение и благоприятные климатические условия, относительная развитость социально-экономической инфраструктуры, исторически сложившаяся этническая мозаичность населения. Миграционная привлекательность Юга России вызвала интенсивную

миграционную подвижность; уменьшение доли русского населения; размещение иноэтнических переселенцев компактно и в основном в крупных городах; большой удельный вес нелегальной миграции и связанные с ним процессы вовлечения мигрантов в теневую экономику или криминальные виды деятельности.

Автор показывает экономические основания конфликтных ситуаций, которые тем не менее воспринимаются массовым сознанием чаще всего как межэтнические противоречия. Динамичное развитие ситуации в короткие сроки в сельской местности приводит к вовлечению в ее «разрешение» казачества и других общественных объединений. Вмешательство казачества сопровождается заявлениями радикального характера и отличается нетерпимостью. Оперативные меры, принимаемые местными органами власти, носят кратковременный характер. В результате проделанного в работе анализа диссертантом выделяются следующие характеристики, маркирующие специфику современной миграционной ситуации на Юге России: 1) высокая интенсивность и полиэтничность миграционных потоков; 2) вынужденный характер миграции в связи с сохранением на территории ЮФО очагов межнациональных конфликтов на фоне тенденции увеличения доли переселенцев по социальному-экономическим причинам миграции, которые постепенно приходят на смену стрессовым; 3) тенденция изменения динамики иммиграции в сторону уменьшения доли русских и русскоязычных граждан; 4) неравномерное размещение иноэтнических мигрантов по территории региона, которые сосредотачиваются в основном в крупных городах и стремятся разместиться в местах компактного проживания представителей своего этноса; 5) большой удельный вес нелегальной миграции и связанные с ним процессы вовлечения переселенцев в теневую этнозономику или в криминальные виды деятельности; 6) активизация социальных действий казачества, которое в процессе отстаивания необходимости институционализации собственного статуса демонстрирует нетерпимость, националистические установки и готовность к силовым способам разрешения конфликтов. Выделенный неблагоприятный социально-экономический контекст опосредует ценностное отношение местно-

го населения к различным группам мигрантов, пребывающим на территории их постоянного жительства.

Во втором параграфе *«Специфика ценностного восприятия миграции принимающим сообществом»* диссертант осуществляет эмпирическое изучение индикаторов аксеологического измерения отношения местных жителей к переселенцам и выявляет происходящее в регионе размытие ценности терпимости. Так, в ходе исследования была выявлена достаточно большая группа горожан (от 25% до 53% опрошенных), разделяющих убеждение о возможности дискриминационных действий в отношении приезжих. Только 2% респондентов высказались за то, чтобы дать мигрантам право постоянного проживания в РФ.

Население региона в целом негативно относится к самой ситуации активной миграционной подвижности. В качестве мотивов мигрантофобии у местного населения выступают восприятие миграции как угрозы национальной безопасности (более половины опрошенных), искаженные в основной своей массе представления о переселенцах (об этническом составе, местах выхода, роде занятий на новом месте и материальном положении, установке приезжих на обособленность и замкнутость).

Эмпирические замеры выявляют, что *мигрантофobia среди местного населения имеет ярко выраженную этническую основу*. Процентные распределения ответов на открытый вопрос: «Откуда больше всего приезжает мигрантов в Ваш город?» – показывает весьма пеструю в географическом и «свободную» в топонимическом отношении картину. Ее наиболее яркими элементами являются ответы: «С Кавказа, с гор», «С Кавказа, Чечни», «Из Закавказья, стран Кавказа», и данные формулировки занимают высокую долю в ответах (около 50%). Эти позиции противоречат объективной картины, поскольку подавляющее большинство прибывающих (около 80%) являются переселенцами русской национальности, что свидетельствует о наличии выраженной неадекватной и негативной этнической окраски миграционных потоков. В массовом сознании образ мигрантаочно связан с так называемыми «лицами кавказской национальности», а также с выходцами из стран Закавказья и Средней Азии.

Кроме того, по мнению подавляющей части опрошенных (около

70%), переселенцы приезжают в город с целью обогащения, торгуют на рынке, занимаются криминальной деятельностью, попрошайничеством, нищенством, распространяют антисанитарию, болезни и т.д. Можно также сказать, что среди основной массы горожан образ переселенца ассоциируется прежде всего с временными мигрантами; тех, кто уже обосновался, «вписался» в городской социум, население не выделяет. Именно поэтому достаточно широко распространен стереотип представлений о мигрантах как о ненужных людях, создающих дополнительные проблемы, усугубляющих социальные болезни общества.

В представлении местного населения о социально-профессиональном статусе приезжих доля квалифицированных специалистов очень мала (9%). Работников в сфере сельского хозяйства, производства или строительства также немного – 16,8%. В большинстве случаев респонденты отмечают, что мигранты либо безработные (около четверти опрошенных), либо бизнесмены и коммерсанты, либо представители криминальных структур (в среднем по десятой доле респондентов). В то же время оценивают материальное положение мигрантов как значительно или несколько лучшее по сравнению с местными жителями около трети опрошенных. Отмечают, что оно в той или иной степени, но хуже, 22,7% респондентов. Взрослое население гораздо чаще указывает, что приезжие лучше устроены, чем коренные ростовчане, – эту позицию выбирают около 40% представителей данной подгруппы. Данные представления содержат в себе потенциал негативного отношения и не способствуют формированию доброжелательного восприятия мигрантов и беженцев у принимающего социума, так как вписываются в общероссийскую тенденцию нарастания социальной напряженности на почве значительной дифференциации доходных групп.

На основании сопоставления полученных эмпирических данных по возрастным и гендерным подгруппам в диссертации отмечается, что представители старшего поколения практически по всем позициям демонстрируют большую степень выраженности негативных установок, тогда как в среде студенческой молодежи чаще фиксируется ориентация на лояльное восприятие мигрантов. Подгруппа респондентов-женщин, по сравнению с мужским сегментом, также более доброжела-

тельно настроена, однако этнофобия в отношении приезжих некоторых национальностей среди женщин выражена ярче.

Рассмотрение степени выраженности толерантного либо терпимого отношения к мигрантам предполагает также и проведение анализа поведенческих норм и установок местного населения в сфере взаимодействия с переселенцами, что и осуществляется в третьем параграфе «*Поведенческие установки принимающего социума по отношению к мигрантам*».

Эмпирические результаты опроса по данному логическому блоку также выявили низкий уровень как толерантности, так и терпимости местного населения к мигрантам. Только десятая часть опрошенных выразила по отношению к переселенцам, приезжающим в их город, сочувствие и стремление оказать им помочь. А половина местных жителей либо выказала индифферентное отношение к мигрантам (а толерантность исключает равнодушие), либо относится к приезжим откровенно недружелюбно. Вычисление в диссертации индекса толерантности (отношение позитивных оценок к интолерантным установкам) показывает, что в общем массиве опрошенных он составляет 0,21. Для сравнения, по данным исследований, в Оренбурге этот показатель равен 0,45; в Н. Новгороде значительно выше – 0,86; хотя в Ижевске он идентичен ростовскому и составляет – 0,21¹. Подобные исследования в приграничных районах Оренбургской области также показали снижение коэффициента позитивного отношения к мигрантам с 0,734 балла в 1998 г. до 0,590 в 2002 г.².

Социально-демографический срез фиксирует, что студенческая молодежь более доброжелательна к приезжим: индекс толерантности – 0,19 против 0,22 у взрослого работающего населения. Причем старшее поколение наиболее часто демонстрирует прямо агрессивное отношение к мигрантам – каждый пятый представитель данного сегмента указывает на собственное недружелюбие и враждебность. Кроме того, анализ количественных данных по гендерному параметру выявляет,

¹ См.: Бадыштова И.М. Указ. соч. С. 39.

² Сеть этнополитического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Этноконфессиональная ситуация в Приволжском федеральном округе. Бюллетень 36/16. 30 июня 2002 г. М., 2002. С. 15–17.

что мужчины более интолерантны, чем женщины: в первом случае индекс толерантности составляет 0,19 и во втором – 0,23. Хотя откровенная агрессия среди мужской части опрошенных выражена меньше, чем в случае с социально-возрастной сегментацией и, конкретно, со взрослым работающим населением.

Около четверти опрошенных считают, что отношение к мигрантам недружелюбное и даже враждебное, более половины назвали его безразличным, и только 1% опрошенных отметил наличие в принимающем социуме установок на сочувствие и оказание помощи приезжим. В результате полученные данные свидетельствуют о наличии у значительной части горожан мигрантофобских настроений, тем самым обнаруживающих и ситуацию слома традиционных ценностей в сознании ростовчан.

Эмпирические характеристики поведенческих установок местного населения подтвердили, что существующая в городском социуме мигрантофобия имеет этническую этиологию. Подобная искаженность общественного сознания связана с прочно устоявшейся в обществе гиперчувствительностью к представителям северокавказских этносов. Именно эта группа мигрантов занимает лидирующие позиции в степени негативности восприятия. Опасность со стороны представителей коренных северокавказских этносов испытывает каждый третий опрошенный. У пятой части респондентов тревогу вызывают мигранты любых национальностей. Что касается сочувственного отношения, то только десятая часть опрошенных выражает сочувствие русским и другим славянским этносам (украинцам и белорусам).

Основная масса жителей города (около 60%) дистанцирована от мигрантов и ориентирована только на формальные контакты с ними (на уровне отдаленного знакомства, работы), а никого лично из мигрантов не знает четвертая часть респондентов общей группы. Друзей-мигрантов имеет всего десятая доля опрошенных. Но, несмотря на подобное, скорее, отчужденное и дистанцированное отношение к переселенцам около половины ростовчан, принявших участие в исследовании, отмечают, что между коренными жителями города и мигрантами имели место крупные конфликты.

Изучение ожиданий горожан относительно мер и способов регуляции миграционной ситуации в регионе показывает, что за право пересе-

ленцев свободно выбирать место жительства выступили около половины опрошенных. Однако чрезвычайно мало ростовчан (только 2,3%) указали свой город в качестве места потенциального проживания мигрантов. Каждый пятый местный житель, принявший участие в опросе, полагает, что разрешение на регистрацию в городе нельзя давать никому из мигрантов, а если и можно разрешать прописку, то только законопослушным, честным и работающим переселенцам или же мигрантам, являющимся по национальной принадлежности русским. При этом более половины респондентов предполагают существование муниципальных программ регулирования миграционных процессов, но не осведомлены об их конкретном содержательном наполнении. А среди предпочтительных, с точки зрения местных жителей, действий административных структур в сфере регулирования миграционных процессов наибольшее количество ответов собирает позиция «не привлекать мигрантов и не отказывать им специально».

Таким образом, проведенное исследование фиксирует невысокую степень соответствия идеалам толерантности и ценностям терпимости характера ценностного отношения местного населения к мигрантам. Возникновение данного явления в полизтичном, поликонфессиональном регионе, где веками жили люди самых разных национальностей и вероисповеданий, – тревожный факт. Основание для благоприятного прогноза дальнейшего развития укорененных в социокультурной специфике России традиций терпимого и неконфликтного отношения к переселенцам представляют доброжелательные установки студенческой молодежи. И в этом отношении интериоризация некоторых составляющих западных ценностей толерантности, распространение которых сегодня обеспечивается органами государственной власти, может при определенных условиях сформировать полезный сплав ориентаций и установок социальных взаимодействий, комплементарных отечественной социокультурной специфике.

В *Заключении* диссертации подводятся общие итоги проделанного исследования, формулируются основные выводы и намечаются основные перспективы дальнейшей разработки затронутых в диссертации проблем.

По теме исследования автором опубликованы следующие работы:

1. **Левченко И.Н.** Теоретические подходы к интерпретации толерантности // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Спецвыпуск. «Проблемы социокультурной трансформации современного российского общества». Ростов н/Д, 2006 (0,3 п.л.).
2. **Левченко И.Н.** Миграция как социальный процесс // Перспектива – 2004: Материалы всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2004. Т.2 (0,1 п.л.).
3. **Левченко И.Н.** Толерантность и терпимость как альтернативные ценности в российском социокультурном пространстве // Ценностные аспекты политico-правовых отношений. Ростов н/Д, 2005 (0,3 п.л.).
4. **Левченко И.Н.** Толерантность и конфликт в межличностном взаимодействии // Перспектива – 2006: Материалы всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2006. Т.2 (0,2 п.л.).
5. **Левченко И.Н.** Толерантность в контексте ценностного подхода // Проблемы современной России. Социокультурный анализ. Ростов н/Д: Изд-во РГПУ, 2005 (0,4 п.л.).

